

тателями обещанием, полученным от Ю. А. Ширинского-Шихматова — дать в одном из ближайших номеров «Завтра» очередную

формулировку пореволюционной программно-тактической установки.

Редакционная Коллегия.

О РЕВОЛЮЦИИ

Еще до сих пор многие склонны рассматривать Революцию, как захват власти *шайкой* интернациональных бандитов. Захват случайный, произошедший *благодаря «измене», «жидам» и «левым»*. По мнению этих многих, революции, собственно, и не было — все лишь недоразумение, темнота народа и ловкость разбойников. Другие говорят: «да — увы — революция произошла, Россия погибла, России больше нет и не будет. Все, что от России осталось — это полковой значок, висящий в квартире ротмистра NN в Париже». На этих суждениях останавливаться не стоит: это мнение — пусть стилизованное — давно духовно умерших людей, для которых Россия лишь форма: с разрушением «прежней России» для них уничтожилась и сама Россия. Третьи на парижских собраниях покрикивают о необходимости *новой «Национальной» Революции*. Люди эти не заметили, что Русская Революция (нравится ли это им или нет) — но по характеру своему, по размаху, по скрытым еще пока от многих современников конечным своим целям — с первых дней *уже была национальна*. Не к новой революции нужно стремиться, — необходимо углубить национализацию революции нынешней, уже давно ставшей *на защиту национальных интересов России*, часто вопреки воле ее внешних руководителей. Ошибочно думать, что Революция началась с Октября (еще того менее — с Февраля) и кончилась крушением «Белого Движения»: истоки Революции нужно искать за двести с лишним лет назад. А продолжается она и по сей день. И не коммунистами кончится. Революция — это эпоха заострения сознания. Она выдвигает новые требования, новые идеи, новые проблемы в предельно-концентрированном виде, и требует немедленного (и от того часто скороспелого) их

разрешения. Сфера революции есть сфера молодежи, молодых сил, нетерпеливых и страстных, не останавливающихся перед невозможным и не боящихся ошибок. Ее поле действий — рушащийся прежний правящий слой и выбивающийся из под его обломков — слой новый. В настоящую минуту, благодаря наличности всех этих данных, Россия находится в состоянии Революции и будет в нем пребывать, пока вопросы, выдвинутые русской историей и поставленные Октябрем не найдут своего разрешения.

Русскую Революцию нельзя рассматривать, как явление местное, касающееся только России: это революция вселенская и проблематика ее — всемирная. Характерна ее всеземная устремленность — «мировой пожар раздуем». — Это не только кризис сознания русского, но и кризис сознания мирового. Европа давно уже забрела в тупик матерьялизма и бездуховности, и под ее влиянием и другие народы попадают в тот же тупик. Именно русский народ, по своей молодости и порывистости, *первый произвел* попытку пробить вставшую перед ним стену и вырваться на свежий воздух. Сейчас он еще не вырвался — он только вырывается, ослепленный пылью, поднявшейся столбом над рухнувшей стеной, оглушенный грохотом ее падения. Теперь очередь за другими народами: или пробить и у себя брешь — или погибнуть: история не может останавливаться, остановка равносильна смерти.

Не даром, не как анекдот привел я в начале этой заметки образчики «воззрений» на Революцию. К сожалению, такие суждения приходится слишком часто слышать в эмигрантской среде. Это доказывает непонимание или незнание русской истории и полную оторванность от русского народного со-

знания. Типично, что суждения эти исходят из среды или чисто реакционной, т.-е. абсолютно некультурной (ибо первое условие культуры есть свобода), или же из среды «интеллигентской», представительницы европейской цивилизации, абсолютно чуждой России. Будто эти люди 50 лет тому назад погрузились в летаргический сон, и, только что проснувшись, продолжают прерванный разговор, не зная еще, что произошло за проспавшее время. Круги реакционные народом русским не интересовались никогда. Интеллигенция интересовалась им по-своему, придумывала даже «народные» доктрины, не замечая, насколько она чужда живому, подлинному народу. Борясь с правительством, интеллигенция считала, что народ — с нею, не замечая, что он живет своей особой жизнью и что ему не нужна чуждая, навязываемая ему под видом культуры, цивилизация.

Русскую Революцию можно понять только поняв всю жизнь русского народа — его историю, его душу — его культуру. Но народ нельзя рассматривать, как некую сумму живущих теперь русских людей, народ это: жившие, живущие и те, что еще будут жить. Культура российская — это весь духовный опыт народа в его целом. С этой точки зрения факты масштаба Революции перестают быть «неожиданностью» или «недоразумением», и бесцельный вопрос почему, естественно, заменяется творческим для чего.

Революция происходит тогда, когда «линия жизни» народа искусственно и болезненно искривлена. Подсознательно чувствуя себя на ложном пути, народ «выпрямляется» — и эта его реакция должна быть соразмерна отклонению, ее породившему. Искривление «линии жизни» российского народа началось, собственно, с Петра. Западная цивилизация, введенная им в качестве «прививки» к основной (русской) культуре, была получена из Европы в уже больном, уже дегенерировавшем виде, а его наследниками она воспринималась, как единственно-истинная, как культура «с большой буквы». Она и насаждалась в течении двух веков в ущерб подлинной культуре русской. Интеллигенция,

ставшая на защиту народа против правительства, сама воспиталась на этой цивилизации (выродившейся культуре) еще в большей степени, нежели дворянская верхушка правящего класса, и благодаря этому была, как и она, если не больше, — чужда народу. Два века продолжалось расхождение между народом и высшим слоем, к каковому в равной степени надлежало причислить и дворянство, и бюрократию, и буржуазию, и интеллигенцию. История подготовки революционного взрыва (в материальном плане) не столько история нарастания народного сознания, сколько история разложения правящего слоя, в котором постепенно слабели и распадалась социальные связи. Восстание декабристов было первым сигналом; с него началось.

Характерно, что в отличие от других народов, в России революции прежде производились сверху: Иван Грозный, Петр Великий, Александр II. Но в 1917 году революция сверху оказалась невысказанной в силу ставшего уже полным непонимания правительством народа. Революция «пошла» снизу. Нарыв, назревавший два века прорвался и затопил гноем страну; но с выходом гноя организм стал очищаться.

Мы видим из этого, что революция подготавливалась в течении долгих лет, что она являлась исторической неизбежностью. Отвергать ее, не отвергая русского народа, его путей и его предназначения — мы не можем. Приветствовать такое явление, не имеющее себе примеров в мировой истории по своим зверствам и ужасам, мы, конечно, также не можем; мы должны просто признать, что свершившееся свершилось.

Задача наша сейчас — не пытаться раздавить Революцию, но использовать ее размах и динамику для национальных достижений. Иначе говоря — «национализировать» революцию, помочь просветлению буйной ее стихии.

Для нас ясно, что эта Революция имеет конечную целью выпрямление искривленной линии нашей истории. Но искривление это продолжалось века, и не мог Октябрь одним махом попасть на верные рельсы. Произошло новое искривление, количественно по-

чти соразмерное предыдущему, но в диаметрально противоположную сторону. И еще не мало лет может быть понадобится для исправления этого нового, неизбежного зигзага.

В Революции, если всмотреться, мы видим Российскую Идею, как на берегу озера — в опрокинутом отображении: те же задания, но с переменной знака. Вселенскость в форме интернационала. Соборность — в облике коллективизма. Веру — ибо коммунизма есть вера — но в «бога Машину». Жажда блага всемирного. Защиту угнетенных всей земли. Наконец, и самое характерное: сознание исторической миссии, — **миссионизм**. И как не сопоставить его с извечным российским мессианским сознанием; — ведь в нем так и звучит песнь о том, что Россия явит миру новую правду, создаст идеальную форму жизни, станет светочем и руководителем всех народов. Сознание это, замершее двести лет назад под наносным песком чуждой цивилизации, с необычайной силой воспрянуло в самой толще народа теперь, хотя и в искаженном, «негативном» виде.

Россия переживает сейчас кризис болезни, долгой и мучительной, продолжавшейся двести с лишним лет. Коммунизм — не новый мир: это последняя борьба старой болезни с нарастающими новыми силами; отсюда искривления и зигзаги «температуры» в жизни народа, уродливые формы коллективизма и механического матерьялизма. Неужели мы окажемся настолько слепы, что не поймем этой болезни, — а видя лишь ее теперешние формы, постараемся убить самого больного, уже ставшего на путь излечения? Неужели мы будем столь маловерны, что, смущенные ужасом настоящего, проклянем русский народ, разуверившись в его духе и в его извечных, Богом отмеченных путях? Теперь, когда бесчисленными страданиями Россия добивается правды (пусть еще не осознанной, или пока осознанной неправильно) — нам ли, «забортному грузу» — пытаться дать крен ее историческому кораблю? Нет, мы должны по мере сил своих стараться направить революцию

в ее истинное русло, мы не можем отказываться от нее, отказываться от народа, который мудрее нас, ибо за ним века опыта и страдания, и он более чем кто либо чувствует, где правда. Перед народом и во имя народа — мы должны воздвигнут (ныне еще незримый для него) стяг нашей мессианской Исторической Идеи.

Принимая Революцию и глядя дальше ее, видя новые горизонты, раскрывающиеся перед Россией, мы тем самым с Россией себя связываем, — с извечной и неумирающей Россией, не с Империей Российской вчерашнего дня, не с СССР дня сегодняшнего, но с Россией перед Лицом Божиим, стоящей над временем и выше всего временного.

У многих естественно должен возникнуть вопрос: — хорошо, наша задача — содействовать национализации революции, ускорить эту национализацию. Но как? Что надо для этого делать здесь, в эмиграции? Или надо ехать в Россию и там включаться в процесс?

Прежде всего — мы должны твердо знать, чего именно **не надо делать**: не мечтать об интервенции, не призывать к актам саботажа и вредительства, не ставить знака равенства между Россией и коммулястью, между коммунизмом и Революцией. Не возвращаться легально в Россию, ибо там придется или отказаться от себя, от всего самого ценного и заветного — или молчать; ибо Слово наше еще не выковано.

Не менее ясно то, что нам **надо** делать. Прежде всего понять совершающееся в России, всю его «не случайность», всю его историческую предначертанность.

Для этого: 1) Заняться прежде всего повышением собственной квалификации, собственной культурности, политической грамотности. 2) Внимательно следить за всем тем, что творится в России; читать советскую литературу, газеты, журналы. 3) Единственное, — но может быть и самое важное, что мы должны дать России — это **позновому осознанию ее Вечную Историческую Идею**. Там люди идут ощупью, инстинктом, говорят не те слова, молятся чу-

жим богам; идут бессознательно и потому ошибаются, попадают в ямы и тупики. Мы должны блоковским «Двенадцати» показать ведущего их Христа. 4) Для этого работа наших передовых пореволюционных мыслителей и ученых должна вестись не дезорганизованно, как теперь — а концентрически и планоно. В эмиграции имеется для этого полная возможность: надпартийный, объединительный журнал «Утверждения». Пора прекратить все еще существующее растаскивание Идей по частям, в свои партийные

будки, для обращения ее изуродованных частей на потребу отдельным течениям. Надо, наконец, понять свой долг и великую ответственность перед Россией. 5) После того, как пореволюционная идеология («Российская Историческая Идея в ее проекции на современность») будет наконец оформлена и четко выражена — наши молодые кадры смогут тронуться в последний и великий путь: через границы, на борьбу — за душу России.

Л. Савинков.

пятилетка

Вся эмигрантская пресса переполнена статьями и сообщениями о «провале» пятилетки. Об этом же толкуют, кричат и кипятятся многочисленные эмигрантские собрания.

Грустное и тяжелое зрелище. Эмигрантское общественное мнение до сих пор (который уже год?) не может вырваться из плена своей эмоциональной стихии. Попржнему эмоция заслоняет разум и сердце. Понимание действительности и лицемерие истины подчиняются все тем же личным, болезненным чувствам: бессильной злобе и ущемленному самолюбию, партийному или профессиональному.

Вот почему мучительные процессы тягостных усилий и напряжений великой страны, строящей закорючлыми руками фундамент своего счастья и независимости, сопровождаются здесь едва ли не гиканьем и улюлюканьем «торжествующего врага». Не тревога и не беспокойство за неудачи и затруднения, испытываемые Россией, а злорадство и самодовольство за «провал» и «банкротство». Таков лейт-мотив эмигрантского настроения.

Критикуя пятилетку, эмиграция не видит России за коммунистами, за этим смертельным своим врагом. Она не видит, что пятилетка есть не только доктринерский план и правительственная авантюра.

Если бы творческие замыслы о создании экономической независимости Родины не

охватывали миллионной массы населения, при этом населения наиболее активного, жизнеспособного и молодого, то можно было бы не связывать пятилетки с Россией, а считать ее навязанным ярмом со стороны политической власти. Но ведь это не так — пятилетка есть некая органическая часть культурной жизни всей страны. За пятилетку ответственен весь русский народ в целом и особенно в лице его ведущего слоя, каковой простирается далеко за пределы власти правительства и коммунистической партии. Говорить о том, что культурная жизнь Советской России за данный период времени «не удалась» и «провалилась» столь же трудно, как и говорить о мировом экономическом кризисе с точки зрения выполнения имевшихся до этого кризиса надежд рвачей капитализма и империалистических вожделей отдельных держав. Эта аналогия тем более уместна, что главные причины, кстати эмиграцией тщательно замалчиваемые, экономической депрессии в России являются, с одной стороны, — неблагоприятная конъюнктура мирового хозяйства, а с другой — низкий урожай двух последних лет. Говоря о «крахе» пятилетнего плана критики рассуждают примерно так: взялись люди в 5 лет построить 10 домов — а в итоге в 4 года построили только 8; значит — провал плана!. Хорошо, пусть частичный провал плана (мы, по-революционники, еще 2 года назад говорили, что, собственно, не